

СТРУКТУРНО-КОГНИТИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОМПОЗИЦИОННОГО ПРИЕМА «НАЧАЛО С СЕРЕДИНЫ»

Е.В. Сухая

Актуальные проблемы теории и практики межкультурной коммуникации. Вып. 4.
- М.: Изд-во МГОУ, 2011. - С. 185-190

В статье анализируется композиционный прием «начало с середины» (*in medias res*) на материале «крутого романа» американского писателя Дж. М. Кейна «Почтальон всегда звонит дважды» (*The Postman Always Rings Twice*, 1934). Прием «начало с середины» рассматривается с точки зрения его структурно-смысловой организации. Во-первых, исследуется употребление прономинальной референции внутри инициального абзаца типа «начало с середины» и референциальных отсылок к затексту и последующему тексту. Рассматривается природа прагматических интенций автора, использующего в повествовании технику «начало с середины». Кроме того, анализируются особенности стратегии интерпретации адресатом текстов, начало которых оформлено приемом «начало с середины».

Еще в 19-м веке писатели начали искать способы первоначальной ориентировки читателя в тексте, не прибегая к традиционному и громоздкому приему «всеведущего рассказчика». Вместо начала нарративного типа, последовательно развивающего представление персонажа [3, с. 122], авторы стали прибегать к использованию приемов «начало с середины», «начало с конца» и некоторым другим. В 20-м же веке прием «начало с середины» приобрел огромную популярность среди литераторов, серьезно потеснив прочие открывающие повествование приемы [11, с. 205].

Термин «начало с середины» (*in medias res*) был введен в научный оборот В.А. Кухаренко и употребляется ею в отношении первого, интродуктивного абзаца повествования [3, с. 121]. Прием «начало с середины» реализуется погружением читателя в гущу событий, без формального вступления и предварительных замечаний [11, с. 205]. Т.В. Шилина рассматривает этот прием в числе других типов инициальной ретардации дискурса [8, с. 54]. «Начало с середины» является формой организации особой содержательной категории текста, которую Т.М. Николаева называет «пред-информацией» [5, с. 470], а В.А. Кухаренко – «затекстом» или «импликацией предшествования» [3, сс. 122, 185]. В терминологии Дж. Лича, затекст представляет собой «воображаемую ситуацию» (*inferred situation*), иллюзию уже созданного мира [цит. по 11, с. 205].

В создании воображаемой, затекстовой реальности участвуют как создатель, так и получатель текста. Использование приема «начала с середины» подразумевает следующие прагматические интенции автора:

1. Информация в открывающем абзаце представляется не как «новая» в терминах У. Чейфа, а как уже «данная» [2, с. 130]. Этому способствует употребление

2. Отсутствие достаточных читательских ориентиров в интродуктивном абзаце и рассредоточение их по всему тексту, т.е., композиционная ретардация, создает напряженность повествования [3, сс. 121-122].
3. Значительная часть информации передается читателю косвенными средствами, т.о. происходит существенная экономия средств выражения [4, с. 36].

Функции получателя текста как участника конструирования и воображаемой (затекстовой), и фикциональной (внутритекстовой) реальности заключаются в следующем:

- 1) опираясь на собственные читательские пресуппозиции, реципиент конструирует воображаемую реальность или «ситуационный контекст» (термин М. Хэллидея и Р. Гасана) [2, с. 18], т.е. додумывает недостающую информацию;
- 2) реципиент реконструирует образы, мимоходом обрисованные в открывающем абзаце, скрупулезно собирая детали, рассредоточенные по всему тексту.

Мы полагаем, что прием *in medias res* предполагает значительную свободу интерпретации реципиентом. В этом аспекте мы расходимся с Т.В. Шилиной, которая считает, что используя прием «начала с середины», автор навязывает читателю некое «квази-предзнание», [8, с. 55] т.е. в какой-то степени манипулирует его читательской стратегией. Свобода читательской интерпретации заключается, по нашему мнению в том, что читатель художественной литературы почти всегда сталкивается с текстами, адресованными читателям других эпох. Конструируя ситуационный контекст с помощью фрагментарных координат, представленных в абзаце *in medias res*, читатель опирается на современные пресуппозиции. Создатели же текстов, как правило, рассчитывают на фонд знаний своих современников и соответственно организуют содержательно-смысловое наполнение интродуктивного абзаца. Таким образом, как мы покажем в примере ниже, из-за «незнания суждений, которые относились к знанию отправителя о мире» [5, с. 206-207], читателю сложно навязать «предзнание». Прием «начала с середины» скорее преследует цель создать ощущение псевдовоспоминания героя [3, с. 122], а также чувства естественности общения создателя и адресата текста [4, с. 37]. Предзнание же о затекстовых событиях вряд ли может быть навязано читателю, особенно разделенного с создателем текста во времени.

Как было уже упомянуто выше, термин «начало с середины» применяется в отношении первого абзаца. По мнению В.А. Кухаренко, композиционное оформление первого абзаца позволяет установить, имеем мы дело с техникой «начала с середины» или с каким-либо другим приемом. Однако на наш взгляд, требует более детального рассмотрения вопрос, является ли форма первого абзаца достаточным основанием для

того, чтобы отнести его к абзацу типа «начало с середины». Возможно, для истинного случая «начала с середины» необходимо ввести условие содержательного возврата к событиям, хронологически предшествующим тем, что описываются в первых эпизодах текста. Ниже мы рассмотрим пример формально относящийся к определению абзаца «начало с середины». Однако текст, следующий за первым абзацем, не содержит ретроспективных переходов к событиям, произошедшим до вербально зафиксированного начала романа.

Со структурной точки зрения абзац, выполненный в технике *in medias res*, имеет усеченную форму. Традиционный абзац имеет двухчастную (вводная экспозиция и комментарий) или трехчастную структуру (экспозиция, комментарий, заключение) [6, с. 28]. В случае оформления интродуктивного эпизода техникой «начало с середины» первый, экспозиционный, элемент отсутствует. То есть, если обозначить элементы трехчастного абзаца буквами abc, то структура приема «начала с середины» будет выглядеть как bc [9, с. 20]. Таким образом, реципиенту, приступившему к осмыслению дискурса, не удастся распознать в открывающем абзаце типовую композицию [6, с. 28], и это намеренное нарушение и приковывает к себе повышенное внимание читателя.

Итак, рассмотрим открывающий абзац романа Дж. М. Кейна «Почтальон всегда звонит дважды» (*The Postman Always Rings Twice*, 1934). как пример реализации приема «начало с середины».

They threw me off the hay truck about noon. I had swung on the night before, down at the border, and as soon as I got there under the canvas, I went to sleep. I needed plenty of that, after three weeks in Tia Juana, and I was still getting it when they pulled off to one side to let the engine cool. Then they saw a foot sticking out and threw me off. I tried some comical stuff, but all got was a dead pan, so that gag was out. They gave me a cigarette, though, and I hiked down the road to find something to eat.

Информация в абзаце явно позиционируется как «данная», а не новая. Лингвистически это выражено референтами, закодированными личными местоимениями, а не полными именными группами, как имело бы место в случае «новой» информации [2, с. 130]. В соответствии с техникой рассредоточения читательских ориентиров по тексту, проформа I, обозначающая и рассказчика, и участника событий, постепенно обрастает деталями. Соответствующая I именная группа Frank Chambers появляется в тексте только в конце первой главы. Таким образом, мы имеем здесь дело с «катафорой с далеко отстоящим референтом» (*long-range cataphora* – перевод термина – наш) [12, с. 29]. Катафора такого типа, или прием «отложенной именной группы» в терминах К. Уэльс, участвует в создании эффекта напряженности [11, сс. 50-51].

Местоимение *they* также предполагает наличие в тексте соответствующего ему референта [10, сс. 49, 51], однако в нашем случае референт отсутствует. Безреферентное употребление *they* не является простым признаком неполноты текста или нарушением правила достаточности информации. Во-первых, это является указанием на то, что

данные герои не важны для дальнейшего повествования. В связи с этим, для обозначения таких участников действия используются средства языковой экономии, которые не отвлекают реципиента от сути повествования лишними деталями. Во-вторых, несмотря на то, что местоимения третьего лица традиционно выполняют в тексте анафорическую функцию, в рассматриваемом случае они служат экзофорической отсылкой к «ситуационному контексту», т.е. к объектам внешнего мира [10, с. 49]. Современникам Дж. М. Кейна не составляло труда реконструировать образ, обозначенный местоимением *they*: обычные работяги-бедняки, которыми были наводнены американские дороги в годы Великой депрессии. В то же время для современного читателя, и тем более читателя другой культуры, восстановить «ситуационный контекст», к которому отсылает безреферентная экзофора *they*, достаточно непросто. Это подтверждает наш тезис о том, что навязать реципиенту «предзнание» довольно проблематично.

Возвращаясь к поставленному нами вопросу о правомерности отнесения первого абзаца к типу «начало с середины» только на основании его структуры и референциального наполнения, хотелось бы отметить следующее. В приведенном нами примере абзац имеет инвертированный порядок. Употребленное первым предложение с хронологической точки зрения должно стоять третьим с конца. Однако на протяжении текста повествование не возвращается к событиям, происходившим до ситуации, описанной в первом абзаце. В связи с этим, для нас остается открытым вопрос, насколько правомерно отнесение такого повествования к типу, открывающему текст приемом «начало с середины».

Подводя итог, следует отметить, что приемы инициальной ретардации повествования, в том числе и «начало с середины» нуждаются в дальнейшем анализе, как с точки зрения поверхностной структуры – роли в обеспечении текстовой когезии, применяемых референциальных моделей, – так и с точки зрения когнитивного анализа авторских интенций и читательских интерпретационных стратегий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борботько В.Г. Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике. – М.: КомКнига, 2006. – 288 с.
2. Кибрик А.А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. – 1994. - № 5. – С. 126-139
3. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. – М.: Просвещение, 1988. – 192 с.
4. Кухаренко В.А. Лингвистическое исследование английской художественной речи. – Одесса: Изд-во Одес. гос. ун-та, 1973. – 61 с.
5. Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистика текста / под ред. Т.М. Николаевой. – М.: Наука, 1978. – Вып. 8. – 480 с.

6. Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. – М.: Лабиринт, 2004. – 320 с.
7. Шилина Т.В. «Эффект повисания» как способ создания инициальной ретардации // *Studia Linguistica XI. Проблемы когнитивной семантики.* – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2002. – С. 164-167.
8. Шилина Т.В. Инициальная ретардация в современном художественном дискурсе и прием “*in medias res*” в античной эпической поэме // *Герценовские чтения. – Иностранные языки. – Материалы конференции 15-17 апреля 2003 г.* – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. – С. 54-56.
9. Chatman S. *Story and Discourse: Narrative Structure in Fiction and Film.* - Cornell University Press, 1980. – 288 p.
10. Halliday M.A.K., Hasan R. *Cohesion in English.* – Longman, 1976. – 374 p.
11. Wales K. *A Dictionary of Stylistics.* – Pearson Education Limited, 2001. – 440 p.
12. Wales K. *Personal pronouns in present-day English.* – Cambridge University Press, 1996. – 234 p.